

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ НА АДАПТАЦИЮ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ В РОССИИ*

© 2000 г. В. В. Гриценко

*Канд. истор. наук, доцент кафедры психологии
филиала Саратовского гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского, Балашов*

Представлены основные результаты исследования адаптации русских вынужденных мигрантов и беженцев из стран ближнего зарубежья в Волгоградской и Саратовской областях. Показаны социокультурные различия между русскими в России и локальными группами русского населения, длительное время проживавшими за пределами основной этнической территории. Прослежено влияние культурных различий, обусловленных определенной аккультурацией русских, на процесс адаптации иммигрантов в новых жизненных условиях, на их интеграцию с русскими в России.

Ключевые слова: социокультурная дистанция, культурные заимствования, аккультурация.

Массовая вынужденная миграция из стран СНГ в Россию предполагает решение важной проблемы адаптации иммигрантов к новым социокультурным условиям. Как свидетельствуют статистические данные, в миграционном потоке, направляющемся в Россию из стран ближнего зарубежья, наибольшую долю составляют представители славянских национальностей, преимущественно русские (от 70 до 90% в разных районах) [9, с. 25]. Данное обстоятельство, на первый взгляд, является благоприятным фактором для “вживаемости” их в среду русского населения, этнически однородного на большинстве территорий Российской Федерации. Однако специфика миграционных процессов из постсоветских государств состоит в том, что среди мигрантов преобладают люди, жившие на прежнем месте длительное время, часто с рождения или детства. Кроме того, мигрирующее русскоязычное население является неоднородным по районам “выхода”, а поэтому в большей или меньшей степени оно может выступать в качестве носителя культур, традиций, обычаев народов тех регионов, откуда они эмигрируют. Следовательно, за принадлежностью к русской национальности может скрываться несоответствие между ожиданиями и реальными проявлениями этнических, культурных, а иногда и религиозных черт в поведении, что, в свою очередь, может выразиться в **нежелательных социальных действиях**, особенно в **местах массового вселения мигрантов**.

То есть, несмотря на принадлежность к общему материнскому этносу – русскому, между русскими – а это и вынужденные мигранты из постсоветских государств, и коренные жители принимающей территории – все же существует определенная социокультурная дистанция. Под социокультурной дистанцией понимается субъективный феномен “отдаления” от других из-за истинного или мнимого различия в образе жизни, системе ценностей и установок, взглядов и оценок и т.п. Эти социокультурные различия обусловлены прежде всего определенной аккультурацией русских переселенцев к культуре тех народов, в среде которых они длительное время проживали до переезда в Россию.

Возможность более глубокого понимания социокультурных ориентаций, степени изменений ценностных структур сознания русских переселенцев, обусловленных их аккультурацией, на мой взгляд, предоставляет теория и практика психологического измерения культур. В кросскультурной психологии и психологической антропологии известны психологические измерения культур по такому признаку, как индивидуализм–коллективизм и отнесение стран к культурам коллективистского или индивидуалистского типа [18]. В работе Б.З. Докторовой показано социокультурное своеобразие России в европейском социокультурном пространстве и ее расположение в диапазоне индивидуализм–коллективизм ближе к полюсу коллективизма, а в диапазоне **шкалы “Открытость переменам–сопротивление переменам”** ближе к полюсу открытости [5]. Признак индивидуализм–коллективизм настолько всеобъемлющ и универсален, что культуры,

* Исследование проводилось при финансовой поддержке “от Программы мира и международного сотрудничества Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров”.

отнесенные к одному и тому же типу, например коллективистскому, могут отличаться друг от друга по ряду параметров. Не только страна, культура, но и любая этническая группа или отдельные ее представители могут найти свое место в этом континууме от полюса индивидуализма до полюса коллективизма. В нашей стране широкомасштабные психологические измерения культурного своеобразия народов только начинают осуществляться. В этом направлении особенно выделяются исследования сектора социально-психологических проблем Института этнологии и антропологии АН РАН под руководством Л.М. Дробижевой. Получены интересные данные об особенностях различий коллективистских культур русского и титульных народов ряда республик Российской Федерации, о влиянии этих особенностей на межэтнические отношения в республиках, на формирование новых идентичностей народов России [6].

Цель нашего исследования – выявление социокультурных различий между группами местного и мигрирующего населения и их влияния на процесс адаптации вынужденных переселенцев в России. Основные задачи заключались в изучении 1) культурных заимствований вынужденных мигрантов от тех народов, в среде которых они проживали до переезда на историческую Родину; 2) степени близости ценностных структур сознания мигрантов и населения принимающих территорий России. Изучение социально-культурного своеобразия двух групп русского этноса поможет выявить диапазон адаптивности возвращающихся соотечественников к новым жизненным условиям и их интеграции с русскими в России.

МЕТОДИКА

Основным источником для написания данной статьи послужили результаты социально-психологического исследования вынужденных мигрантов, осуществленного автором осенью–зимой 1997–1998 гг. в Волгоградской и Саратовской областях, отличающихся среди административных единиц РФ довольно высокими показателями по плотности размещения и абсолютной численности вынужденных переселенцев. Объектом исследования выступили 120 русских переселенцев из стран ближнего зарубежья, в большинстве своем из Казахстана, государств Средней Азии и Закавказья, соответствующих по образовательному и возрастному уровням, по социально-профессиональному статусу генеральной совокупности всех прибывших вынужденных переселенцев на территорию исследуемых областей, а также 120 местных жителей русской национальности, уроженцев этих областей, составивших контрольную группу нашего исследования. Контрольная группа наряду с национальной принадлежностью была также выравнена с экспериментальной по основным социально-демографическим показателям: полу, возрасту, образованию, социально-профессиональному статусу, типу поселения. Исследование проводилось в Волгоградской области в городах Волгограде, Волжском, Михайловке, Камышине, поселке Краснооктябрьский, селе Верхнепогромное; в Саратовской – в городах Саратове, Энгельсе, Балахове, селах Клещевка и Букатовка.

Сбор информации осуществлялся посредством полустандартизованного интервью, вопросы которого были направлены на выяснение наличия и степени выраженности культурных заимствований у русских переселенцев от тех народов, в среде которых они проживали до возвращения на этническую родину, их установок на интеграцию с русскими в России и др. Достоверность данных интервью определялась с помощью критерия согласия Пирсона (χ^2).

Степень близости ценностных структур сознания мигрантов и населения принимающих территорий изучалась также с помощью методического инструментария “Культурно-ценностный дифференциал” (КЦД), разработанного Г.У. Солдатовой, И.М. Кузнецовым и С.В. Рыжовой [11]. В пределах психологической универсалии индивидуализм–коллективизм данная методика направлена на измерение групповых ценностных ориентаций в четырех сферах жизненной активности. Это ориентации: на группу, на изменение, друг на друга и на власть.

Шкала “Ориентация на группу–на себя” рассматривается на основе таких параметров, как внутригрупповая поддержка (взаимовыручка–разобщенность), подчиненность группе (подчинение–самостоятельность) и традиционность (верность традициям–разрушение традиций). Ориентация на изменение изучается в диапазоне открытости–закрытости перемены по параметрам: открытости–закрытости культуры (открытость–замкнутость), ориентации на перспективу (устремленность в будущее–в прошлое), степени риска (склонность к риску–осторожность). Ориентация друг на друга анализируется в диапазоне направленности на взаимодействие–отвержение взаимодействия по параметрам: толерантности–интолерантности (миролюбие–агрессивность), эмоциональности (сердечность–холодность) и мотивации достижения (уступчивость–соперничество). Ориентация на власть исследуется в диапазоне сильный–слабый социальный контроль по параметрам: подчинения запретительным и регулирующим стандартам общества (дисциплинированность–своеволие, законопослушность–анархия) и значимость авторитета (уважение власти–недоверие к власти).

Методика состоит из 24 качеств, которые испытуемые оценивали по 4-балльной шкале в соответствии с вопросами: “Насколько характерны следующие качества для вынужденных переселенцев?”, “Насколько характерны следующие качества для коренных жителей Саратовской (или Волгоградской) области?”.

Степень выраженности качества определяется через коэффициент выраженности, принимающий значение от 0 до 100. Выраженность качества, получаемая на основе опроса мнения в четырех категориях, приводится к коэффициенту по следующей формуле:

$$K = 1/6[300 - 3k_1 - k_2 + k_3 + 3k_4],$$

где k_1 – качество не выражено, k_2 – качество выражено слабо, k_3 – качество выражено средне, k_4 – качество выражено в полной мере¹.

В статье используются некоторые результаты, полученные с помощью Опросника уровня субъективного контроля [1] и широко известного в психологической практике Шестнадцатифакторного личностного опросника Кеттелла [16].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Проживание в отрыве от основной этнической территории не могло не отразиться на образе жизни локальных групп русского этноса. Русскими перенимались образцы типичного для корен-

¹ Более подробное описание методики “Культурно-ценностный дифференциал”, а также процедуру математической обработки см. в работе Г.У. Солдатовой “Психология межэтнической напряженности”. М., 1998. С. 195–197.

ных народов поведения, усваивались их нормы, правила. Когда принималось решение о переезде в Россию, исследуемые нами мигранты подозревали о наличии определенной социокультурной дистанции между собой и русскими в России, но, пожалуй, только тогда, когда осуществили этот переезд, они осознали, как велика эта дистанция. И теперь, проживая на территории Волгоградской или Саратовской области и сравнивая себя с коренными жителями этих областей, переселенцы ощущают влияние "чужой" культуры на своем поведении, быте и системе жизнеобеспечения. 110 опрошенных нами мигрантов (91.7%) указали на наличие у себя различий по сравнению с местным населением в манере поведения, отношениях в семье, к работе, в пищевом рационе, являющихся следствием межэтнического общения с представителями титульных народов тех стран центральноазиатского или закавказского региона, откуда они приехали. По их мнению, русские, не одно поколение прожившие в тесном соседстве с казахами, узбеками, азербайджанцами или другими среднеазиатскими или закавказскими народами, заимствовали от них в большей степени элементы поведенческой культуры, а именно: восточное гостеприимство, вежливость, учтивость, уважение к старшим, трудолюбие, терпимость к чужим обычаям и обрядам, отсутствие тяги к спиртному и сквернословии. Аналогичные результаты были получены другими учеными при исследовании вынужденных переселенцев в других областях России [8, 13, 14].

Отличительные особенности русских мигрантов из Средней Азии или Закавказья оказываются замеченными также представителями местного русского населения. Так, каждый пятый коренной житель Волгоградской области и каждый шестой – Саратовской, принимавшие участие в нашем исследовании и утвердительно ответившие на вопрос об имеющихся различиях между русскими "здесь" и русскими-приезжими, подчеркнули, что переселенцам более близка культура того народа, среди которого они жили до переезда в Россию; имеющиеся у них особенности носят национальный отпечаток тех республик, откуда они приехали, и проявляются во всем: в манере их поведения, характере, речи, даже физическом облике [4]. При этом среди сельского постоянного населения число лиц, указавших на имеющиеся различия между приезжими и местными жителями (15 чел.), почти вдвое больше, чем среди горожан (8 чел.).

На вопрос "Хотели бы вы сохранить эти заимствования?" 88 опрошенных нами мигрантов (73.3%) ответили утвердительно, 15 чел. (12.5%) затруднились сказать что-либо по этому поводу, остальные 17 чел. (14.2%) ответили отрицательно. Если учесть, что в эту группу ответов попали и те 10 респондентов (8.3%), которые посчитали,

что они ничего не заимствовали от культуры живших по соседству народов, то процент резко негативного отношения к культурным заимствованиям становится еще меньше. То есть у большинства наших мигрантов существует в целом положительное отношение к культуре тех народов, в среде которых они проживали; больше 3/4 переселенцев имеют устойчивую установку на сохранение культурных заимствований. Эти данные мы попытались сравнить с тем, каковы установки или аккультурационные стратегии [15] у мигрантов во взаимодействии с русскими в России, предложив им ответить на следующий вопрос: "Стремитесь ли Вы к укреплению и расширению взаимоотношений с местным населением?". Большинство интервьюируемых (71 чел., или 59.2%) из тех, кто положительно ответил на предыдущий вопрос, показали наличие установки на развитие и укрепление контактов с местным населением, т.е. готовность к интеграции при обязательном условии сохранения заимствований от культуры тех народов, в среде которых они проживали до возвращения на этническую родину. У 17 респондентов (14.2%) четко проявилась установка на изоляцию от местного населения. Сюда попали в основном лица старшего и предпенсионного возраста (40–60 лет) независимо от пола, типа поселения и длительности проживания в России. Данные интервью также свидетельствуют о том, что люди этого возраста очень болезненно переживают утрату всего того, что составляло смысл их жизни: любимую работу, близких друзей, привычный образ жизни. Они часто уходят в область воспоминаний о прошлой благополучной жизни. Мы считаем, что именно для этих людей в первую очередь нужна квалифицированная помощь психолога. Без такой помощи проблему интеграции многие из них будут решать в течение всей оставшейся жизни, и, наиболее вероятно, что она полностью исчезнет только с уходом из жизни данного поколения людей.

Еще у 32 респондентов (26.6%) обозначилась ассимиляционная стратегия. К ним мы отнесли всех, кто стремится к налаживанию широких взаимоотношений с коренным населением, но при этом отрицательно относится к сохранению культурных заимствований от центральноазиатских и закавказских народов (7 чел., или 5.8%), затрудняется ответить о важности и необходимости для себя сохранить эти заимствования (15 чел., или 12.5%) и, наконец, категорически отвергает у себя их наличие (10 чел., или 8.3%). В эту категорию вошли преимущественно лица молодых возрастов (18–30 лет).

И все же, несмотря на довольно высокий процент лиц, указавших на наличие у себя культурных заимствований от тех народов, в среде которых они жили до переезда в Россию, отметим, что аккультурация русских к культуре центрально-

азиатских и закавказских народов в первую очередь произошла в заметной внешне поведенческой сфере: материально-бытовой культуры (прежде всего, кухне) и соционормативной (некоторые элементы поведения). В то же время внутренней ментальной сферы аккультурация коснулась в меньшей степени: заимствования во внутренние культурных чертах (религии, морали, психологических особенностях) отмечаются очень редко.

Заимствования во внешне культурных чертах обычно оцениваются позитивно в любых межкультурных контактах, так как носят добровольный и осознанный характер (в отличие от заимствований во внутренне культурных чертах) [7], что подтвердилось и в нашем исследовании.

Отсутствие у переселенцев внутренне культурных заимствований от культуры народов тех стран, с которыми они вступали в относительно длительные (на протяжении 1–2 поколений) межкультурные контакты, связано в первую очередь с тем, что русские, за редким исключением, не владеют языками этих народов – основным средством ретрансляции культуры любого народа. Все социально-культурное своеобразие жизни того или иного народа находит свое выражение в языке, особенностях семантики языковых единиц, специфики их употребления. Именно в языке отражены представления о мире носителей языка, специфические черты их образа жизни и мыслей. Незнание языка титульных народов большинством русских не позволяло им освоить традиционные способы их мышления и действий, составляющих своеобразие культуры этих народов, проникнуть в глубинные структуры их психологии, приобщиться к инациональным ценностям.

Наряду с владением инациональным языком многообразному и адекватному действительности представлению о другом народе способствует приобщение и к принадлежащим ему видам духовной культуры. Насколько национальные культуры повлияли на наших респондентов, можно судить и по их ответам на вопросы интервью о наиболее выдающихся деятелях культуры, о литературных, музыкальных и т.п. вкусах.

Опрошенные нами мигранты называли среди выдающихся деятелей прежде всего деятелей собственной русской (или советской) культуры (282 имени, что составило 75.2% от числа всех названных имен деятелей культуры), затем – зарубежной (71 имя, или 18.9%). И только 22 чел., или 5.9%, из всех перечисленных деятелей культуры составляли представители других национальных культур. Почти все названные инациональные выдающиеся деятели культуры (17 чел.) относились к группе писателей, 3 чел. – к группе композиторов, и по одному – к группе художников и ученых. Эти данные свидетельствуют о том, что среди разных видов духовной инациональной

Таблица 1. Музыкальные вкусы вынужденных мигрантов и коренных жителей Волгоградской и Саратовской областей (%)*

Предпочитаемая музыка	Мигранты		Коренные жители	
	город	село	город	село
Русская народная	56	77	68	80
Народная титульных национальностей бывших союзных республик	14	17	0	6
Симфоническая, классическая	28	17	18	9
Легкая, эстрадная	60	54	71	57

* Сумма процентов не равна 100, так как этот вопрос не был альтернативным.

культуры наибольшее влияние на наших респондентов имела литература, однако оно было весьма незначительным.

В сфере музыкальной культуры, в которой традиционные вкусы, по данным многолетних исследований этносоциологов Института этнографии АН СССР под руководством Ю.В. Арутюняна, сохраняются довольно хорошо [12], мы получили результаты, приведенные в табл. 1.

Примерно каждый шестой переселенец продемонстрировал интерес к народной музыке титульного народа, в среде которого он проживал до момента переезда в Россию, но одновременно эти люди указывали и на наличие ориентации на свою, русскую, народную музыку. Заметим, что, кроме направленности на народную музыку титульных этносов, ориентации в музыкальной культуре между группами приезжего и местного населения в основном совпадают. У переселенцев, как и у местных жителей, велик интерес к русской народной музыке и профессиональной (эстрадной и симфонической). Причем если у большинства исследуемых представителей как приезжего, так и местного населения в городе профессиональная музыка (в первую очередь легкая, эстрадная) заметно популярнее традиционно-бытового слоя, то на селе русская народная музыка наряду с профессиональной сохраняет более устойчивые позиции как среди постоянного населения исследуемых сел, так и у поселившихся там вынужденных мигрантов: различия между уровнями популярности этих двух музыкальных слоев не очень значительны.

Таким образом, судя по результатам интервью, степень приобщения русских переселенцев к духовной культуре и языку наций, давшим название республикам, невелика. Безусловно, такое явление имело свои объективные и субъективные причины. Среди них можно назвать: интенсивное внедрение русского языка во все сферы общественной жизни бывших союзных республик, широкое распространение его у титульных

Таблица 2. Коэффициенты выраженности отдельных качеств, полученных по методике “Культурно-ценностный дифференциал” (%)*

Качество	Коренные о себе	Мигранты о коренных	Коренные о мигрантах	Мигранты о себе
Ориентация на группу—на себя				
Взаимовыручка	46	56	48	75
Разобщенность	46	64	49	44
Подчиненность	48	56	38	53
Самостоятельность	57	51	59	71
Верность традициям	57	77	52	82
Разрушение традиций	28	20	26	16
Ориентация на изменения				
Открытость	53	40	48	60
Замкнутость	38	53	55	47
Устремленность:				
в будущее	57	51	56	53
в прошлое	40	53	48	66
Склонность к риску	51	37	46	55
Осторожность	60	62	68	82
Ориентация друг на друга				
Миролюбие	71	58	63	76
Агрессивность	48	58	47	44
Сердечность	58	49	58	71
Холодность	41	58	43	47
Уступчивость	49	33	48	56
Соперничество	62	69	54	36
Ориентация на власть				
Дисциплинированность	43	47	56	82
Своеволие	53	62	48	29
Законопослушность	55	56	56	75
Анархия	28	33	32	6
Уважение власти	47	35	47	64
Недоверие к власти	68	78	59	67

* Процент показывает степень выраженности качеств в исследуемых группах (или уровень групповой согласованности). Высокостереотипными считаются характеристики, превысившие 70%-ную планку внутригрупповой согласованности.

этносов, а в связи с этим недооценка частью русского населения их языка и культуры. Особенности расселения и занятости русских (они, как правило, жили в крупных, в значительной своей части столичных городах, работали чаще всего на больших промышленных предприятиях или в учреждениях, где представители титульных этносов составляли обычно меньшинство) также никак не стимулировали процесс их приобщения к национальным ценностям и самобытности титульных народов этих республик [10]. Здесь мы лишь кон-

статируем, что у определенной части переселенцев имеется ориентация на духовную культуру другого народа. Но эта направленность, как мы видим, не является преобладающей и ярко выраженной, чтобы можно было говорить о той или иной мере этнокультурной дестабилизации переселенцев, за которой, вероятно, последует нарушение их позитивной этнической идентичности.

Перейдем теперь к анализу различий в ценностных структурах сознания русских переселенцев, обусловленных их аккультурацией, степени их совпадения с местными русскими принимающих территорий и возможностей их влияния на процесс взаимодействия двух групп русского этноса, опираясь на результаты, полученные по методике “Культурно-ценностный дифференциал” (см. табл. 2).

Оценивая результаты по шкале “Ориентация на группу—на себя”, можно сказать, что мигранты в большей степени ориентированы на группу, нежели местное население, так как в Мы-образах мигрантов высокостереотипным для них оказалось качество *верность традициям*. Они реже, по сравнению с местными русскими, оценивают свою группу как разобщенную и чаще рассчитывают на поддержку и помощь со стороны таких же переселенцев, как они сами. Правда, здесь встает новый вопрос: что в большей степени определяет уверенность получить эту помощь и внутригрупповую поддержку: культурная общность или, может быть, общность судьбы? Интересно отметить, что мигранты проецируют и на местных жителей большую выраженность качеств *верность традициям* и *взаимовыручка*, по сравнению с тем, как эти качества коренные жители обнаруживают у самих себя.

Одновременно с высокой степенью выраженности в группе переселенцев качеств *верность традициям* (82%) и *взаимовыручка* (75%) ею обладает и *самостоятельность* (71%). То есть наряду с высокой ориентацией на группу, ее поддержку мигранты ни в коей мере не являются зависимыми от группы, ее влияния и согласия, а, скорее всего, наоборот, они предпочитают все делать сами: принимают решения, добиваются его исполнения, несут ответственность. В подтверждение сказанного заметим, что, согласно данным нашего исследования, 72 переселенца (60%) — это лица с интернальным локусом контроля. Они полагают, что происходящие с ними значимые события есть результат их собственной деятельности, а не внешних сил — случая, других людей и т.д. Интерналы, в отличие от экстерналов, менее склонны подчиняться давлению других [17]. То есть большей части исследуемых нами мигрантов конформное и уступчивое поведение не присуще.

Этот вывод подкрепляется также другими данными, выявленными с помощью психологичес-

кой методики – Личностного опросника Кеттела. По данному тесту 78 чел. (65% из подвергшихся тестированию мигрантов) получили высокие показатели по фактору Q_2 *самостоятельность–зависимость от группы*. Таким образом, люди, имеющие высокие показатели по этому фактору, независимы, самостоятельны, инициативны.

Ориентация на изменения в соответствии с “Культурно-ценностным дифференциалом” изучалась нами в диапазоне открытость–сопротивление переменам. Судя по результатам КИД, мигранты на уровне восприятия своей группы продемонстрировали несколько большее сопротивление переменам, чем местные жители исследуемых областей, благодаря тому, что в Мы-образах высокоактуальными оказались *осторожность* (82%) и *устремленность в прошлое* (66%). Одновременно с этим респонденты-мигранты указали на выраженность у себя таких качеств, как *склонность к риску* (55%), *устремленность в будущее* (53%) и *открытость* (60%). По результатам теста Кеттела 74 чел. (62%) получили высокие или очень высокие показатели по фактору Q_1 *радикализм–консерватизм*. Это означает, что на личностном уровне среди мигрантов ниже доля лиц, признающих себя консервативными и нетерпимыми к новым мнениям и идеям, чем тех, кто считает себя способным по-новому взглянуть на вещи. Нам кажется, что наличие у большинства мигрантов на фоне личностной характеристики, присущей индивидуалистам, таких проявлений коллективистского типа, как осторожность и устремленность в прошлое, менее всего объясняется их культурной обусловленностью; скорее всего, причина здесь – в изменении социальной ситуации и условиях жизни этих людей. Неопределенность и жизненная неустроенность нынешнего положения, возможно, заставляет многих из них проявлять излишнюю осторожность к каким-либо изменениям и новаторствам. Нестабильность в настоящем и отсутствие перспектив в улучшении своего положения в ближайшем будущем, вероятно, заставляет их искать какую-то опору и ориентиры в прошлой жизни, где они чувствовали себя намного увереннее и комфортнее. Жизнь изрядно потрепала этих людей. В последние годы им многое пришлось перенести и столкнуться с различными трудностями, требующими максимальной самоорганизации. Вынужденные мигранты затратили титанические усилия еще в местах выезда на получение российского гражданства, продажу жилья, вывоз имущества, а затем и в России – на получение прописки (или регистрации), на поиск жилья и работы при почти полном отсутствии информации, денежных трудностях, бюрократических препонах и т.д. [3]. Поэтому не исключено, что некоторые из них устали от кардинальных изменений в своей жизни и жизни страны. Скорее всего, они открыты реформам, но не радикаль-

ным переменам. В пользу этого свидетельствуют другие данные интервью, подтверждающие ориентацию мигрантов на изменения и возрождение России. Они называли в основном условия “реформаторского комплекса”: “развитие рыночной экономики, экономическая самостоятельность”, “поддержка частной собственности”, “всестороннее развитие свобод, прав человека”.

Отметим еще один интересный аргумент, подтверждающий в данном случае ситуационность факторов, определяющих ориентацию на изменения у переселенцев. По этой шкале выявлены значимые различия между переселенцами-жителями областных центров – Волгограда и Саратова – и переселенцами, проживающими в сельской местности и малых городах Волгоградской и Саратовской областей. Мигранты, проживающие в крупных промышленных городах, продемонстрировали почти в два раза ниже степень закрытости и осторожности, чем переселенцы, расселенные в небольших замкнутых консервативных общинах сел и патриархальных малых городах.

Результаты, полученные по шкале “Ориентация друг на друга”, говорят о том, что на уровне образов перцепции мигранты (по сравнению с коренными жителями) оказались более настроены на взаимодействие. Как видно из данных табл. 2, они назвали большую степень выраженности у себя качеств, способствующих лучшему пониманию друг друга и взаимодействию: миролюбия, сердечности и уступчивости и меньшую степень выраженности качеств, препятствующих этому взаимодействию и взаимопониманию: агрессивности, холодности и соперничества. Надо сказать, что обе группы завышают выраженность у себя качеств, направленных на взаимодействие, и занижают их в другой группе и, наоборот, минимизируют у себя выраженность качеств, направленных на отвержение этого взаимодействия, и преувеличивают их у других. Особенно велика разница между представлениями о себе и других о нас для группы коренных жителей, выявленная при оценке степени выраженности таких качеств, как холодность, уступчивость и соперничество, а для группы мигрантов – при оценке соперничества, миролюбия и сердечности. Другими словами, мигранты считают коренных жителей менее уступчивыми, в большей степени склонными к соперничеству и холодными, чем коренные жители думают о себе сами. А коренные жители воспринимают мигрантов менее миролюбивыми и сердечными, но зато наиболее склонными к соперничеству, чем это присутствует в самопредставлениях мигрантов. То есть каждая из исследуемых групп переоценивает свой вклад в налаживание и развитие нормальных отношений с представителями другой группы и недооценивает вклад в это дело “чужой” группы, а значит, может перекладывать на нее ответственность в случае неудачи и

конфликтов, возникающих при взаимодействии. Очевидно, здесь мы имеем рассогласование в образах на уровне конфликта между притязаниями членов той или другой группы к проявлению определенных качеств у представителей своей и "чужой" группы.

Теперь сравним результаты, полученные по шкале "Ориентация на власть". В структуре ценностных ориентаций мигранты показали большую зависимость от социального контроля. Они отметили у себя большую выраженность качеств *дисциплинированность* (82%) и *законопослушность* (75%), в то время как коренные жители указали на выраженность у себя этих качеств на уровне 43 и 55%. Коренные жители также отметили у мигрантов большую выраженность этих качеств, особенно *дисциплинированность* (56%). А вот качество *уважение власти* и мигранты, и коренные жители приписали как ингруппе, так и аутгруппе в меньшей степени по сравнению с качеством *недоверие к власти*. Причины недоверия к власти, я думаю, общеизвестны. Снижение производства и рост безработицы, задержки в выплате зарплат и пенсий, "операции" с приватизацией, рост инфляции и постоянное ухудшение жизненного уровня надолго подорвали авторитет власти у тех и у других. Тем не менее у мигрантов меньше неопределенности в восприятии своей группы в структуре властных отношений. В целом, они чаще, чем коренные русские, оценивают членов своей группы как дисциплинированных и уважающих власть, что, возможно, подтверждает их коллективистскую направленность. Но нельзя сбрасывать со счетов и ту непростую социально-психологическую ситуацию, в которой они оказались и которая по-разному складывается на местах. Эту ситуацию часто и местные, и приезжие маркируют так: "В чужой монастырь со своим уставом не ходят". Естественно, что в таких условиях вхождения "в чужой монастырь" проявление у части переселенцев большей уступчивости (по сравнению с местным населением) является, пожалуй, наиболее адекватным и вполне "нормальным" способом поведения.

Эти качества вошли в число высокостереотипных у тех, у кого в душе еще теплится надежда и вера на помощь в решении своих проблем со стороны властных структур, и у тех, кто находится в полукрепостной зависимости от руководителей предприятий в малых городах патриархального типа или руководителей хозяйств в сельской местности. Так, наибольшее число законопослушных и уважающих власть отмечено в среде вынужденных мигрантов, поселяющихся в сельской местности.

В то же время наличие качества *дисциплинированность* у большинства наших мигрантов мы не стали бы выводить только из их проколлекти-

вистской ориентации. Напротив, их стремление к праву, такому порядку, при котором каждый член общества был бы в равной степени защищен законом и ответственностью перед ним, скорее, присуще западной, индивидуалистической ориентации на власть [2]. О том, что последнее утверждение имеет место, говорит наличие у многих исследуемых по тесту Кеттелла вынужденных переселенцев качеств, принадлежащих в большей степени индивидуалисту, нежели коллективисту: самостоятельность и независимость, высокий внутренний самоконтроль и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе данных интервью, результатов психологического измерения социокультурного своеобразия и психодиагностического тестирования групп русского приезжего и русского постоянного населения исследуемых областей можно сделать следующие выводы.

У большей части исследуемых нами мигрантов (88 чел., или 73.3%) наблюдаются осознанные установки на сохранение у себя культурных заимствований от "восточных" народов тех стран, в среде которых они длительное время проживали до переезда в Россию. Однако эти культурные заимствования от иноэтничного окружения на прежнем месте жительства в большей степени проявляются в поведенческой бытовой сфере наших переселенцев и гораздо меньше — в психологической, духовной, что свидетельствует о "близости культур" контактирующих групп русских мигрантов и групп местного русского населения.

По многим параметрам у представителей исследуемых групп отмечается близость самопредставлений, что может выступать важнейшей основой для понимания и обоюдного согласия, развития интеграционных тенденций между двумя группами русского этноса.

Так, в представлениях о себе у коренных жителей и приезжих определилось согласие в ориентациях на группу. И местные жители, и переселенцы рассчитывают на внутригрупповую поддержку и помощь, считают себя приблизительно одинаково внутренне сплоченными.

В то же время ярко выраженное у мигрантов стремление "рассчитывать на себя" в решении своих проблем говорит о том, что эти люди не будут слепо подчиняться групповому поведению и следовать за большинством в конфликтных ситуациях. Этот факт является важной психологической основой для межгруппового баланса, особенно в районах с наибольшей плотностью проживания переселенцев.

Неопределенность и ценностная дезориентация во многих сферах жизненной активности обусловила у вынужденных мигрантов большую

закрытость для перемен. Однако эти данные неоднозначны. Осторожность в отношении к радикальным переменам тесно связана с типом поселения вынужденных мигрантов: по мере укрупнения и индустриализованности населенных пунктов у мигрантов усиливается ориентация на изменения.

Имеются также совпадения ценностных структур приезжего и "аборигенного" населения в ориентациях на взаимодействие. При этом на уровне образов перцепции, опираясь на наши данные, переселенцы более настроены на взаимодействие. Поскольку от самих мигрантов в большей степени будет зависеть успешное развитие межгрупповых отношений, высокий настрой у них на взаимодействие является весьма положительным фактором. Настораживает только один факт: переоценка каждой из исследуемых групп своего вклада в налаживание и развитие нормальных отношений с представителями другой группы и недооценка этого вклада "чужой" группы. Подобное рассогласование в образах чревато возникновением конфликтов и разногласий в процессе взаимодействия.

По измерению "сильный-слабый социальный контроль" мигранты демонстрируют образ дисциплинированного, законопослушного, предсказуемого гражданина, что может быть объяснено по-разному, но в любом случае при взаимодействии с другими людьми имеет положительный эффект.

Таким образом, имеющиеся социокультурные отличия вынужденных переселенцев из стран ближнего зарубежья, обусловленные их аккультурацией к культуре тех народов, в среде которых они проживали до переезда на историческую Родину, будут, скорее всего, помогать их адаптации к новым социокультурным условиям жизни в России. Желание мигрантов сохранить культурные заимствования свидетельствует о том, что у них нет цели и потребности "раствориться в местной среде" или ассимилироваться. Наоборот, они стремятся идти по пути интеграции – налаживания и укрепления широких взаимоотношений с местным населением принимающих территорий и одновременно сохранения и поддержания своих культурных особенностей и своеобразия. Поэтому определенное время вынужденные мигранты стремятся культивировать различия у себя, так как именно эти различия на первых порах будут играть для них важную роль по ослаблению культурного шока и выступать живительным источником для поддержания позитивной групповой идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткин А.М. Опросник уровня субъективного контроля (УСК). М.: Смысл, 1993.
2. Братусь Б.С. Психологический тип личности в русской и советской культурах // Психология и психоанализ характера. Хрестоматия. Самара, 1997. С. 155–164.
3. Витковская Г.С. За кого голосуют вынужденные переселенцы? // Миграция. 1997. № 3. С. 26–30.
4. Гриценко В.В. Особенности менталитета вынужденных русских мигрантов из стран Средней Азии и Казахстана // Российское сознание: психология, культура, политика. Самара: Изд-во СамГПУ, 1997. С. 272–275.
5. Докторов Б.З. Россия в европейском социокультурном пространстве // Социолог. журнал. 1994. № 3. С. 4–19.
6. Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: ИЭА РАН, 1996.
7. Лебедева Н.М., Безмятук К.Н. Миграция на родину (опыт этнопсихологического исследования адаптации крымских татар в Крыму) // Духовная культура и этническое самосознание. М.: ИЭА РАН, 1993. Вып. 2. С. 83–107.
8. Лебедева Н.М. Новая русская диаспора. М.: ИЭА РАН, 1995.
9. Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: ИЭА РАН, 1996.
10. Русские в новом зарубежье. Программа этносоциологического исследования / Отв. ред. С.С. Савоскул. М.: ИЭА РАН, 1994.
11. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
12. Социально-культурный облик советских наций // Отв. ред. Ю.В. Арутюнян, Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1986.
13. Степанов В.В., Сусоколов А.А. Русские ближнего зарубежья. Проблемы адаптации в российской деревне // Российский этнограф. М.: ИЭА РАН, 1993. № 9.
14. Филиппова Е.И. Роль культурных различий в процессе адаптации русских переселенцев // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М.Б. Олкотт, В. Тишкова, А. Малащенко. М., 1997. С. 134–150.
15. Berry J.W. Immigration, Acculturation and Adaptation. Ontario, 1996.
16. Cattell R.B., Eber H.W., Tatsuoka M. Handbook for the sixteen personality factor Questionnaire (16 PF). Champaign, Illinois: Institute for Personality and Ability Testing, 1970.
17. Crown P.D., Liverant S. Conformity under varying conditions of personal commitment // Abnormal and Social Psychology. 1963. V. 66. P. 547–555.
18. Hofstede G. Culture's consequences: international differences in Morle-related values. Beverly Hills, Calif., Sage, 1984.

THE INFLUENCE OF CULTURAL DIFFERENCES ON THE ADAPTATION OF RUSSIAN EMIGRANTS FROM REPUBLICS OF THE FORMER USSR IN RUSSIA

V. V. Gricenko

*Can. sci. (history), docent, chair of psychology,
the branch of Saratov univ. named in honor of N.G. Chernyshevsky, Balashov*

The adaptation of Russians forced emigrants and refugees from republics of the former USSR to Volgograd and Saratov regions is studied. The social-cultural differences among the Russians lived in Russia and local groups lived out of the main ethnic territory are showed. The influence of cultural differences mediated by the certain acculturation of Russians on the process of adaptation of emigrants in new conditions, on their integration with Russians in Russia is traced.

Key words: social-cultural distance, cultural borrowings, acculturation.

ЭТНОПСИХОЛОГИЯ

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОМИ И РУССКИХ ДРУГ О ДРУГЕ*

© 2000 г. В. М. Бызова

*Доктор психол. наук, профессор кафедры педагогики и новых педагогических технологий
Сыктывкарского государственного университета, Сыктывкар*

Анализируются результаты эмпирического исследования авто- и гетеростереотипов студенческой молодежи Республики Коми. Выявлены этнические различия в направленности и содержании авто- и гетеростереотипов представителей разных этнических групп.

Ключевые слова: этнический стереотип, автостереотип, гетеростереотип.

Проблема этнических стереотипов до сих пор недостаточно исследована, хотя в процессе тесного межэтнического общения происходит не только оценка личностных и общечеловеческих качеств, но и восприятие и оценка национальных особенностей. Межэтнические отношения на личностном уровне проявляются в установках и ориентациях, настроениях и поведении, этнических стереотипах. Несмотря на длительную историю взаимодействия русской и коми культур, сравнительному эмпирическому изучению этностереотипов русских и коми посвящено очень мало работ.

В отечественной научной литературе вопросам межнациональных отношений, связанных с уровнем развития этнического самосознания, с особенностями авто- и гетеростереотипов, уделяется недостаточно внимания. Почти отсутствуют исследования гендерных особенностей этнических стереотипов в разных культурах России, что искажает картину социальной перцепции межэтнического взаимодействия. На практике нередко встречаются большие различия в этнических стереотипах мужчин и женщин в разных культурах [2, 3].

Отечественные ученые (А.А. Реан, М.Ю. Ермашикин) указывают на необходимость серьезного отношения к расхожим в обыденной жизни национальным характеристикам. Функционирование стереотипов на двух уровнях отношений (межгрупповом и межличностном) осложняет решение проблемы их объективных и субъективных детерминант [5].

Практическое решение проблемы оптимизации межэтнических отношений действительно требует изучения этнических стереотипов, ибо они создают благоприятную почву для манипули-

рования массовым сознанием и выработки негативных установок по отношению к представителям других этносов. Следует всячески избегать возникновения национальных стереотипов и предрассудков и применения их в образовательной политике и педагогической практике. Это ставит перед специалистами прикладную задачу по коррекции неадекватных гетеростереотипов [4]. П.Н. Шихирев указывает на общую тенденцию, наблюдаемую в большинстве регионов, – это оживление, заострение этнических стереотипов, причем действующий этнический стереотип особо жестко фиксирован, чрезвычайно эмоционально насыщен, почти не поддается произвольному изменению [11]. Работа отечественных ученых показала, что слушатели программы межкультурного тренинга в ходе психологической подготовки к межэтническому общению постепенно освобождались от стереотипного восприятия представителей других этнических групп. Однако идентификация представителей этносов, далеких по культурным характеристикам, значительно затруднена [6].

Этнические стереотипы служат формой проявления национального характера и выступают в качестве эмпирического индикатора характерологического своеобразия этнической общности. В отечественной социальной психологии этнический стереотип трактуется как социально обусловленный схематический стандартный образ своей этнической общности (автостереотип) или других этнических общностей (гетеростереотип). Как правило, автостереотипы содержат комплекс положительных оценок, а гетеростереотипы могут быть как положительными, так и отрицательными в зависимости от исторического опыта взаимодействия народов.

Чаще всего этнический стереотип возникает из-за ограниченности межэтнического общения, причем стереотипы влияют на возникновение этнических антипатий или этнических симпатий [1].

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта № 98-06-08038А).